

Бабушкин Игорь Владиславович, магистрант, Братский государственный университет, г. Братск

**МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ПОСТЕЛЬНЫМИ КЛОПАМИ В ГОРОДАХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1880-1917 ГГ.): НАРОДНЫЕ ПРАКТИКИ,
КОММЕРЦИЯ И САНИТАРНЫЙ НАДЗОР**

Аннотация

Статья посвящена истории повседневных практик и мероприятий, направленных на борьбу с бытовыми паразитами (постельными клопами) в городах Российской империи в пореформенный период. Показано, что на фоне бурной урбанизации и перенаселения городов данная проблема переросла рамки частного быта и превратилась в фактор общественной безопасности. Охарактеризована социальная география распространения паразитов, выступавших в роли «демократизатора» имперского общества и поражавших жилые пространства всех сословий – от ночлежных домов до царской резиденции. Рассмотрен комплекс методов дезинсекции, выявлена их эволюция от опасных кустарных практик до внедрения механизированных технологий городскими санитарными бюро. Освещены процессы коммерциализации дезинсекционного дела и формирования рынка фабричных инсектицидов.

Annotation

The article is devoted to the history of everyday practices and measures aimed at combating household pests (bedbugs) in the cities of the Russian Empire in the post-reform period. It is shown that against the backdrop of rapid urbanization and overpopulation of cities, this problem outgrew the framework of private life and turned into a factor of public safety. The social geography of the distribution of parasites, which acted as a «democratizer» of imperial society and affected the living

spaces of all classes – from flophouses to royal residences, is characterized. A complex of disinfestation methods is considered, their evolution from dangerous amateur practices to the introduction of mechanized technologies by city sanitary bureaus is revealed. The processes of commercialization of disinfestation and the formation of the factory insecticide market are highlighted.

Ключевые слова: Российская империя, история повседневности, урбанизация, санитарный надзор, постельные клопы, история медицины, Сибирь, коммерциализация, инсектициды, дезинсекция.

Keywords: Russian Empire, history of everyday life, urbanization, sanitary supervision, bedbugs, history of medicine, Siberia, commercialization, insecticides, disinfestation.

Современный мир эпохи глобализации, столкнувшийся в первой четверти XXI в. с масштабными биологическими и эпидемиологическими угрозами (от пандемии COVID-19 до локальных вспышек лихорадки Эбола и резкого увеличения популяций устойчивых к инсектицидам паразитов в крупнейших мегаполисах Европы и Америки), заставляет по-новому взглянуть на исторический опыт взаимодействия человека и микросреды. Динамика цивилизационного развития, урбанизация и эволюция повседневных практик неразрывно связаны с санитарным состоянием жилых пространств, которое выступает маркером качества жизни и уровня социокультурной модернизации общества.

В истории России рубеж XIX-XX вв. стал периодом демографического и индустриального бума, спровоцировавшего глубокий кризис городской инфраструктуры. Стремительный приток сельского населения и перенаселение жилых кварталов превратили пореформенные центры в зоны повышенного санитарного риска. Наряду с масштабными эпидемиями холеры, тифа, чумы, традиционно привлекающими внимание исследователей, повседневная жизнь горожан всех сословий была отравлена менее заметным, но серьезным фактором – массовым распространением бытовых паразитов,

среди которых постельные клопы (*Cimex Lectularius*) занимали едва ли не лидирующее положение.

В отечественной и зарубежной исторической науке проблемы санитарного состояния городов Российской империи пореформенного периода преимущественно изучаются сквозь призму истории медицины, деятельности земских и городских санитарных организаций, а также макроисторических процессов борьбы с масштабными эпидемическими катастрофами (работы И.В. Нарского, Н.Б. Лебиной). Вместе с тем уровень санитарной повседневности, включающий в себя обыденные практики борьбы с паразитами, бытовую химизацию и эволюцию представлений населения о личной и общественной гигиене, до сих пор остается без заслуженного исследовательского внимания. Отдельные аспекты быта ночлежных домов и фабричных окраин затрагивались в трудах по истории повседневности и социальной истории, однако комплексного анализа методов дезинсекции, коммерческого рынка противопаразитарных средств и роли санитарного надзора в решении этой проблемы на локальном уровне до сих пор не предпринималось.

Источниковую базу исследования составил комплекс репрезентативных материалов, позволивших реконструировать как медицинский дискурс эпохи, так и повседневность городского населения. Основной пласт источников образуют материалы периодической печати рубежа XIX-XX вв., которые можно разделить на несколько групп. К первой относятся выпуски сибирской газеты «Сибирская жизнь» за 1901-1911 гг. Этот источник содержит уникальные сведения санитарного и социокультурного характера: от научно-популярных заметок о биологических свойствах клопа и роли открытий доктора М. Тиктина до критических очерков А. Розанова и официальных отчетов городского врача Н.Н. Панаретова. Отражение проблемы в контексте курортной повседневности империи зафиксировано на страницах газеты «Русский инвалид», описывающей санитарное состояние частного жилого фонда Кавказских Минеральных Вод.

Вторую группу источников составила церковная периодика регионального и центрального уровней – «Тобольские епархиальные ведомости», «Астраханские епархиальные ведомости», «Херсонские епархиальные ведомости» и «Холмско-Варшавский епархиальный вестник». Данные источники ценны тем, что транслировали в народную среду конкретные бытовые и донаучные предписания по химической дезинсекции жилья, фиксировали появление института первых узких специалистов по уничтожению очагов размножения паразитов.

Наконец, важным элементом источниковой базы стали опубликованные на страницах прессы эго-документы, позволяющие оценить субъективное восприятие приезжими уровня сибирского бытового комфорта, а также материалы судебной хроники, раскрывающие правовые аспекты борьбы граждан за свои санитарные права.

В пореформенный период, на фоне стремительной урбанизации, дефицита жилья и сильно возросшей мобильности населения, паразитарные насекомые (в частности, постельные клопы) превратились из сугубо маргинальной проблемы в сквозной фактор, определявший качество повседневной жизни абсолютно всех слоев российского общества. В обывательском сознании и ранних источниках долгое время господствовал стереотип, связывающий паразитарное загрязнение исключительно с нищетой и грязью городского дна. Действительно, этот «вонючий ночной житель», по меткому выражению К. Линнея, находил идеальные условия для воспроизводства на самом низу социальной иерархии империи.

Первичным и наиболее очевидным ареалом обитания паразитов выступали пространства максимальной скученности беднейшего населения – ночлежки и постоялые дворы. Публицист А. Розанов на страницах газеты оставил детальные описания томских постоялых дворов, где на полу лежал вершковый слой грязи, не мывшейся от Пасхи до Рождества, а стены были покрыты сплошными «пятнами от раздавленных клопов». В подвальных ночлежках, принадлежавших мещанскому городскому обществу, в условиях

жуткой сырости насекомые вереницами ползали по нарам и буквально сыпались на людей, вынужденных спать на полу . В аналогичном состоянии находился и томский ночлежный дом благотворительного общества под председательством городского головы И.М. Некрасова, где «стены приюта кишели клопами» . Для маргинальных слоев и сибирских чернорабочих клоп был неизбежным фоном жизни. К этой же категории вынужденного бытового неблагополучия относились и политические ссыльные, отправляемые в Нарымский край: для них «4-5 ночей осады клопов» в мрачных номерах томских гостиниц становились последним, полным лишений этапом перед отправкой в тайгу.

Однако по мере продвижения вверх по социальной лестнице выяснялось, что экономический достаток не гарантировал санитарной безопасности. Промежуточной зоной, где средние слои, чиновничество и приезжая интеллигенция сталкивались с данной проблемой, становилась индустрия временного жилья, гостиниц и курортов. Так, путевые заметки госпожи Горячковой об Иркутске фиксируют глубокое разочарование в сибирском «комфортe». Внешне претендующий на лоск город внутри деревянного жилого фонда оказывался тотально «заклопленным», а предлагаемые постояльцам диваны кишели насекомыми, которые «даже днем не стеснялись кусать людей». Даже признанные здравницы империи, ориентированные на состоятельную публику, не давали защиты. В разгар сезона 1901 г. в Пятигорске частные гостиницы («Южные номера») брали с постояльцев огромную плату в два с половиной рубля за сутки, но предоставляли зараженные клопом кровати. Корреспонденты газеты «Русский инвалид» фиксировали жалобы боевых офицеров, участников Китайской кампании, чья нервная система после войны была окончательно расстроена ночными атаками «кровопийц».

Символом нежелания интеллигенции мириться с привычным для многих злом стал судебный процесс в Одессе, где художник-этнограф Уваров предъявил иск владельцу первой классной гостиницы «Швейцария» Брилю за

«высосанную у него клопами кровь», потребовав компенсации в 1 рубль 50 коп. за каждую мучительную ночь.

Следующую ступень сословной иерархии занимала высшая торгово-промышленная элита – купечество и крупные фабриканты, но и в их роскошных усадьбах клоп оставался постоянной угрозой. Мемуарные свидетельства В. Бычкова (июнь 1895 г.) сохранили описание катастрофического пожара в имении знаменитых фабрикантов Морозовых, вспыхнувшего прямо в спальне В. Морозова. Как фиксирует эго-документ, причиной выгорания целого имения стала архаичная кустарная практика дезинсекции: «какой-то старик, ложась спать, стал палить клопов на стене свечкою, а стена раньше полита была керосином, ну, естественно, что шпалеры вспыхнули разом». Тот факт, что в богатом доме Морозовых стены, оклеенные дорогими шпалерами, тайно обливали керосином и выжигали открытым огнем, наглядно демонстрирует: перед лицом паразитарной угрозы даже высшее купечество прибегало к тем же пожароопасным народным методам, что и обитатели окраин.

Наконец, высшей точкой разрушения сословного мифа о клопах как маркере нищеты выступает вершина имперской пирамиды – самодержец и его семья. Из разряда «подвальной» проблемы паразит проникает в эпицентр власти. Согласно дневниковой записи императора Николая II от 6 июня 1895 г., в Зимнем дворце случилось «удивительное происшествие: нашествие клопов в спальне и в уборной Алике». Масштаб биологической проблемы оказался столь велик, что царская семья была вынуждена спешно эвакуироваться на верхний этаж, полностью вынести все из комнат и сорвать дорогие ковры и обои. Причиной этого происшествия оказались гнезда ласточек под карнизами дворца.

Таким образом, выстраивая социальную географию паразитарного загрязнения от нищих томских ночлежек, сквозь купеческие особняки Морозовых, вплоть до личной спальни супруги Николая II, мы видим, что постельный клоп выступил в роли абсолютного демократизатора

пореформенного периода. Биологический фактор полностью нивелировал сословные привилегии, финансовые возможности и гвардейскую охрану. Санитарная уязвимость оказалась сквозной, объединяющей чертой модернизирующегося российского города, обнажив системное бессилие империи перед лицом паразитарной угрозы на всех уровнях.

Параллельно с расширением географии паразитарного загрязнения на рубеже XIX-XX вв. происходила радикальная трансформация восприятия клопа в общественном сознании. Из категории досадной, но привычной бытовой неизбежности *Cimex Lectularius* переместился в фокус передовой медицинской науки и одновременно стал триггером для острых социально-политических и этнофобных спекуляций.

Долгое время постельный клоп воспринимался обывателями как исключительно эстетическая и физиологическая неприятность, которая кусает и мешает спать. Однако на рубеже веков отечественная наука перевела паразита в разряд смертоносных биологических угроз. Ключевую роль здесь сыграло открытие доктора Тиктина в Одессе, подробно обсуждавшееся на страницах периодической печати.

Исследуя колоссальную вспышку возвратного тифа, охватившую в портовом городе более 10000 человек, Тиктин проследил эпидемиологическую цепочку, которая тянулась из грязной ночлежки, где переночевал больной матрос, прибывший из Яффы. Впервые в истории медицины Тиктин под микроскопом обнаружил в крови клопов, напивавшихся от больных тифом, живых винтообразных бактерий (спирохет). Проведя серию контролируемых опытов на обезьянах, ученый доказал, что клоп является полноценным и крайне опасным переносчиком инфекции.

С накоплением данных в имперской медицинской прессе происходило формирование дискурса вокруг проблемы клопов. На страницах специализированных изданий постельный клоп прочно занял место в ряду главных векторов эпидемиологической угрозы. Профильные публикации обобщали не только отечественный, но и передовой международный опыт.

Так, внимание военных медиков обращалось на исследования французского врача Дюве, доказавшего способность клопов переносить туберкулезные бациллы, а также на отчеты японского доктора Ямагавы о случаях заражения человека чумой после укуса паразитов. К началу 1910-х гг. эти академические знания вышли за пределы узкоспециализированных лабораторий и начали активно распространяться в народные массы, в том числе через региональную церковную периодику. В публикациях духовных ведомств обывателей предупреждали, что в кишечнике клопа чумные бактерии способны сохранять жизнеспособность и патогенность на протяжении рекордных трех месяцев, что превращало скрытые очаги размножения насекомых в резервуары со смертоносной инфекцией.

Вехой в институционализации этой борьбы в России стало оформление самого терминологического аппарата. Рубеж веков ознаменовался переходом к строго научному языку. В частности, по инициативе выдающегося отечественного микробиолога Н.Ф. Гамалеи в практику санитарного дискурса прочно вошел международный термин «дезинсекция», закрепивший освобождение вещей и помещений от паразитов как самостоятельную отрасль медицины.

В то время как медицинское сообщество искало рациональные пути решения проблемы, в обывательском и публицистическом дискурсе неспособность имперских городов справиться с заклопленностью порождала специфические защитные механизмы. Вместо признания системного кризиса коммунального хозяйства пореформенной России, авторы консервативного толка начали увязывать паразитарную угрозу с концептом «внутреннего врага» и национальным вопросом. Ярким примером такой идеологической рецепции выступают мемуары госпожи Горячковой о ее поездке в Иркутск, опубликованные и критически разобранные в печати. Столкнувшись с тотальной зараженностью паразитами сибирского центра, автор выстраивает зловещую цепочку, связывающую низкий уровень бытовой культуры, отсутствие ванн и засилье насекомых с деятельностью национальных

меньшинств: «Все захвачено немцами, евреями и поляками, которые деятельно помогают друг другу эксплуатировать приезжего «хлопа»».

В этой оптике реальный постельный клоп метафорически сливается с «инородцами»-эксплуататорами. Вместо критики городской думы или домовладельцев, не следящих за санитарным состоянием сдаваемого жилья, правоконсервативный обыватель проецирует свой страх перед укусами паразитов на этнические группы, подрывающие основы империи и наживающиеся на русском человеке. Клоп, таким образом, становится маркером чуждого, враждебного элемента, нарушающего санитарный и политический порядок.

Следовательно, на рубеже веков общественная рецепция феномена паразитизма раскололась на два полярных направления. Передовая наука в лице доктора Тиктина и Санитарных бюро стремилась деполитизировать проблему, переводя ее в плоскость бактериологии и эпидемиологии. В то же время массовое сознание охотно включало паразита в сферу политических и национальных фобий, делая его элементом имперского идеологического противостояния.

Перевод постельного клопа из категории бытовой неизбежности в статус эпидемиологической угрозы актуализировал вопрос о методах его истребления. Изучение источникового материала позволяет реконструировать сложную эволюцию дезинсекционных практик в пореформенной России: от народных кустарно-религиозных рекомендаций до внедрения механизированных технологий муниципального санитарного контроля.

В условиях дефицита дипломированных медицинских кадров в провинции и отсутствия разветвленной сети санитарных бюро, ключевым транслятором гигиенических знаний в народную среду выступала периодическая печать, прежде всего – региональные епархиальные ведомости. Анализ их публикаций показывает, что народные методы дезинсекции носили ярко выраженный сезонный характер и опирались на биологический цикл самого паразита. Так, «Тобольские епархиальные ведомости» предписывали

обывателям вести борьбу с насекомыми строго в периоды кладки яиц – «в марте, мае, июле и сентябре». Наиболее рекомендуемой процедурой признавалась июльская побелка известью, направленная на уничтожение «молодого приплода».

Технологический арсенал домашней дезинсекции рубежа веков состоял из доступных в быту химических и термических веществ, призванных вызвать ожог и отравление паразита.

Растворы квасцов и кипятков. Горячая смесь (от 1/2 до 3/4 чашки квасцов на три стакана кипятка) провозглашалась универсальным средством, которым тотально проливали пазы мебели. Добавление же квасцов в известку для потолков позиционировалось как надежная защита одновременно от мух и клопов.

Уксусная эссенция. Для точечной обработки мягкой мебели популярные издания рекомендовали использовать стеклянные спринцовки, посредством которых внутрь щелей и пазов деревянных кроватей впрыскивался «самый крепкий уксус», что приводило к моментальной гибели паразитов.

Кровельный керосин и мыловаренный щелок. Эти агрессивные жидкости применялись для механической промывки разобранных деревянных каркасов мебели с последующим промазыванием пазов горячим уксусным клеем.

Помимо агрессивных жидких химикатов, в структуре повседневной дезинсекции заметное место занимали традиционные этноботанические методы, основанные на инсектицидных свойствах диких растений. Для защиты жилых пространств обывателями практиковалось развешивание пучков полыни и ромашки, а также окуривание помещений дымом можжевельника или аравийского ладана. В качестве локальных средств борьбы с назойливыми насекомыми в летний период состоятельные слои населения применяли дорогие эфирные масла. Параллельно с этим, в урбанизированной империи при переезде граждан на новые квартиры стандартом санитарной очистки комнат от клопов, тараканов и грибковых микроорганизмов оставалось тотальное окуривание закрытых помещений

жженной горючей серой, что считалось одним из наиболее эффективных превентивных способов дезинфекции на уровне массового быта.

Однако, как демонстрирует зафиксированный в мемуарах пожар в усадьбе Морозовых, подобные кустарные практики, сочетающие керосин с традиционным выжиганием стен открытым пламенем свечи, несли в себе колоссальную техногенную угрозу для деревянного и полукаменного городского фонда империи. Обывательская дезинсекция оставалась фактором повышенной пожарной опасности.

В то же время развитие доступной аптечной сети в городах приводило к проникновению сильнодействующих летучих химических соединений в частное пользование, где они могли использоваться самым неожиданным образом. Свидетельства личного происхождения фиксируют, что препараты, приобретаемые обывателями для утилитарных санитарных нужд, становились объектом опасных поведенческих девиаций. Так, в дневниковых записях Е. Дьяконовой зафиксирован случай покупки в аптеке медицинского эфира, изначально предназначенного «для задушения насекомых». Однако в подростковой среде данное вещество было использовано не по прямому назначению, а для проведения опасного токсикоманического эксперимента с целью получения необычных ощущений перед сном. Этот штрих наглядно иллюстрирует как высокую коммерческую доступность специализированных химических препаратов для борьбы с паразитами, так и специфику их бытования в провинциальной городской культуре рубежа веков.

Перелом в технологической базе борьбы с паразитами происходит на рубеже 1900-1910-х гг. и инициируется муниципальными властями, которые переводят дезинсекцию в русло научно обоснованного санитарного надзора. Живучесть паразита и его устойчивость к стандартным дезинфицирующим средствам потребовали изменения самой инженерной логики контроля.

В 1909 г. руководство Санитарного бюро Томска официально заявило городской управе, что получившее широкое распространение окуривание помещений парами формалина, эффективное против бактерий и возбудителей

инфекций, совершенно не оказывает уничтожающего действия на постельных клопов. Санитарный надзор потребовал признать бессилие старых химических методов дезинфекции перед энтомологической угрозой и настоял на выделении муниципальных бюджетов на закупку инновационных паровых дезинфекционных аппаратов для механизированной термической обработки стен, ковров и мебели.

Рост рисков эпидемии в условиях военных кампаний начала XX в. потребовал качественной модернизации технического арсенала борцов с паразитами. Если на рубеже веков в гражданском секторе начали появляться дорогие патентованные аппараты – такие как профессиональные дезинфекторы систем Зифельдта и Кроля в Одессе стоимостью от 100 до 200 рублей, рекомендованные циркулярами Главного штаба для нужд армии, – то в условиях Первой мировой войны этот дефицитный ресурс пришлось восполнять за счет форсированного низового изобретательства. В ситуации, когда миллионы солдат оказались в зимнее время «зарытыми в землю», а снабжение стационарными дезинфекционными камерами было невозможным, фронтовые медики перешли к самостоятельному конструированию технических приспособлений. Ярким примером стали «дезинсекторы», разработанные в 1-м Псковском сводном полевом запасном остро-заразном госпитале. Конструкция собиралась силами воинских частей из подручных элементов: в кирпичную плиту вмазывался стандартный чугунный котел емкостью около 25 ведер, герметично накрывавшийся деревянными досками, над которым монтировался деревянный ящик, обитый внутри оцинкованным железом. Поступающий из котла текучий пар высокой температуры быстро достигал 100° С, что позволяло моментально ликвидировать паразитов и яйца на шинелях и одеялах, в то время как нательное белье кипятилось в самом котле. Одновременно с техническими приспособлениями формировались и первые стандарты индивидуальной химической защиты медицинского персонала: для предотвращения переползания паразитов санитары и сестры

милосердия экипировались особыми антипаразитными костюмами, пропитанными 10%-м щелочным раствором дегтя.

Столь стремительное усложнение противопаразитарных практик обусловило окончательное выделение профессиональной группы дезинфекторов в структуре имперского здравоохранения, причем этот статус получил признание на высшем государственном уровне. Знаковым символом закрепления данной профессии в глазах общества стал официальный прием в Собственном Его Величества Аничковом дворце весной 1904 г. Перед отправкой отряда из 19 дезинфекторов под руководством докторов-гигиенистов Богданова и Бирона на Дальний Восток вдовствующая императрица Мария Федоровна лично напутствовала каждого сотрудника словами и собственноручно вручила шейные иконы-образки. Это свидетельствует о том, что к началу XX в. дезинфекционное дело преодолело статус маргинального «нечистого» труда, прочно закрепившись как стратегически важная служба.

Таким образом, эволюция методов дезинсекции в рассматриваемый период развивалась по вектору от опасной индивидуальной «кустарщины» к механизированным, технологически емким решениям на уровне городских Санитарных бюро.

На рубеже XIX-XX вв. рамки традиционного бытового уклада оказались сломлены стремительной коммерциализацией дезинсекционного дела. Рост городов и обострение санитарного кризиса сформировали устойчивый массовый спрос на специализированную химию. В Российской империи начинает складываться динамичный рынок готовых фабричных инсектицидов, обладавших выраженной географической структурой и развитыми торгово-логистическими цепочками, связывавшими промышленный центр государства с его восточными окраинами.

Газетные объявления и специализированные адресные книги рассматриваемого периода фиксируют переход от продажи абстрактных химических компонентов к продвижению узнаваемых торговых марок и

брендов. Важнейшим вектором этой кампании стало насыщение сибирского рынка инсектицидов мощностями московского фармацевтического и аптекарского капитала.

Ярким примером коммерческого освоения восточных регионов служит масштабная рекламная кампания московской аптекарской торговли Л.Я. Столкинда. Летом 1900 г. на страницах крупнейшей региональной газеты активно продвигался комплексный ассортимент средств для санитарной гигиены жилища. В качестве главного оружия против паразитов фирма предлагала специализированный брендированный препарат «Антипаразит» («от клопов, тараканов, блох, моли и т.д.»). Производитель выстраивал гибкую ценовую политику, ориентированную на разные слои потребителей, предлагая различную фасовку товара по цене 55, 30 и 20 копеек за флакон.

Примечательно, что коммерческий сектор Столкинда успешно модернизировал и монополизировал популярные народные методы: вместо кустарного разведения уксуса потребителю предлагалась стандартизированная фабричная «Уксусная эссенция в 75%», гарантировавшая предсказуемый химический ожог паразитам. Маркетинговая стратегия московской фирмы носила комплексный характер. Понимая, что тотальная заклопленность помещений и применение агрессивной химии сопровождаются тяжелым специфическим запахом, Столкинд вывел на рынок сопутствующий товар – «капсулы дезодорать» для уничтожения зловония в спальнях и детских. Фраза, заканчивавшая объявления, «можно получить в лучших магазинах» указывает на создание разветвленной дилерской сети, покрывавшей сибирские городские центры.

К 1910-м гг. рынок противопаразитарных средств приобретает более жесткую конкурентную структуру, ориентированную на патентную защиту и борьбу с фальсификатом. Специализированное ежегодное издание ««Москва-Сибирь»: Адресная и справочная книга» в разделе «Аптекарский товар» фиксирует агрессивный маркетинг инсектицидного порошка «Арагац». Производство и оптовый сбыт были сосредоточены в руках С. Мирзаянца.

Рекламный модульный текст порошка «Арагац» - «только С. Мирзаянца» - наглядно показывает появление элементов патентной борьбы на рынке бытовой химии. Препарат позиционировался как проверенное и испытанное средство «от клопов, тараканов, мух и проч. насекомых». Сама практика размещения подобных объявлений в межрегиональных справочниках-путеводителях доказывает, что сибирский обыватель, а также содержатели местных гостиниц и меблированных комнат рассматривались крупными московскими производителями как ключевая, стратегически важная целевая аудитория.

Начало Первой мировой войны радикально изменило масштаб и размер паразитарной угрозы, переводя ее из категории локального городского неблагополучия в статус вызова национальной и военной безопасности. Свидетельством институционализации этой борьбы на государственном уровне служат архивные материалы Московского городского общественного управления. Осенью 1914 г. городская Управа и Дума официально ассигновали целевые средства государственного казначейства на уничтожение и предупреждение появления паразитов на одежде и теле больных и раненых в госпиталях Москвы. Санитарный кризис военного времени моментально коммерциализировался, сформировав специфический военно-патриотический маркетинг на рынке инсектицидов. Так, в декабре 1914 г. петроградский склад и контора В. Лебедева активно продвигали специализированные составы от паразитов, позиционируя их как «лучший подарок для Действующей Армии», способный защитить солдатский отдых, и одновременно принимали массовые заказы от частных домовладельцев. К 1916 г., по мере затягивания окопной войны, коммерческий сектор предложил препараты с выраженной фронтовой идентичностью. Ярким примером здесь выступает инсектицидное средство «ОКОП» от московской фирмы «Поставщик», которое рекламировалось как радикальное средство против нательной вши, клопов и их зародышей. Данный препарат уже имел официальную легитимацию от государства – он был разрешен Московским врачебным управлением за № 13085, что указывает на

попытки властей установить жесткий санитарно-гигиенический контроль над хлынувшим на рынок потоком частной бытовой химии.

Таким образом, в пореформенный период в городах Российской империи на фоне бурной урбанизации и перенаселения жилого фонда возникла неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка, вызванная массовым распространением бытовых паразитов. Угроза охватила все слои общества – от подвальных ночлежек до Зимнего дворца. Для стабилизации ситуации и предотвращения инфекционных вспышек городским властям и медицинскому сообществу требовалось развернуть системную противопаразитарную работу. Усилиями Санитарных бюро и военных ведомств внедрялись новые технологии дезинсекции, закупались паровые аппараты, а на рынке сформировался развитый сектор специализированной бытовой химии. Проведение этих мероприятий сталкивалось с многочисленными трудностями. Однако в целом, благодаря институционализации дезинсекционного дела и коммерциализации рынка инсектицидов, медицинским работникам и санитарным службам на рубеже XIX-XX вв. удалось переломить ситуацию, заложив основы современной санитарной культуры в дореволюционном российском городе.

Список литературы

1. Астраханские епархиальные ведомости. 1895. № 10.
2. Бычков В. Запись от 24 июня (12 июня) 1895 г. // Прожито : электронная библиотека дневников. – URL: <https://corpus.prozhito.org/note/522072>.
3. Гетьман Д.И. Организация санитарного надзора в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX веков // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2022. № 3 (76). С. 26-32.

4. Дьяконова Е. Запись от 14 июля (2 июля) 1889 г. // Прожито : электронная библиотека дневников. – URL: <https://corpus.prozhito.org/note/188971>.
5. Енисейский церковный вестник. 1907. № 30.
6. Москва-Сибирь: адресная и справочная книга. 1910. Год 6-й. С. 162.
7. Попова А. Ю., Ракитский В. Н., Кузьмин С. В., Рахманин Ю. А. Ведущему гигиеническому журналу «Гигиена и санитария» 115 лет // Гигиена и санитария. 2025. Т. 104, № 5. С. 3–7.
8. Романов Н. Запись от 18 июня (6 июня) 1895 г. // Прожито : электронная библиотека дневников. – URL: <https://corpus.prozhito.org/note/277448>.
9. Русский инвалид. 1895. 11 апр. № 78.
10. Русский инвалид. 1901. 11 авг. № 177.
11. Русский инвалид. 1903. 25 апр. № 90.
12. Русский инвалид. 1904. 25 марта. № 68.
13. Русский инвалид. 1904. 28 мая. № 114.
14. Русский инвалид. 1914. 3 дек. № 279.
15. Русский инвалид. 1916. 8 февр. № 37.
16. Русский инвалид. 1916. 15 апр. № 99.
17. Сибирская жизнь. 1900. 22 июля. № 158.
18. Сибирская жизнь. 1901. 29 сент. № 211.
19. Сибирская жизнь. 1906. 2 июля. № 139.
20. Сибирская жизнь. 1907. 6 дек. № 182.
21. Сибирская жизнь. 1907. 21 сент. № 121.
22. Сибирская жизнь. 1908. 14 авг. № 172.
23. Сибирская жизнь. 1909. 28 февр. № 46.
24. Сибирская жизнь. 1910. 13 июля. № 153.
25. Сибирская жизнь. 1911. 16 марта. № 60.
26. Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 12.
27. Херсонские епархиальные ведомости. 1913. № 10.
28. Холмско-Варшавский епархиальный вестник. 1895. № 15.

